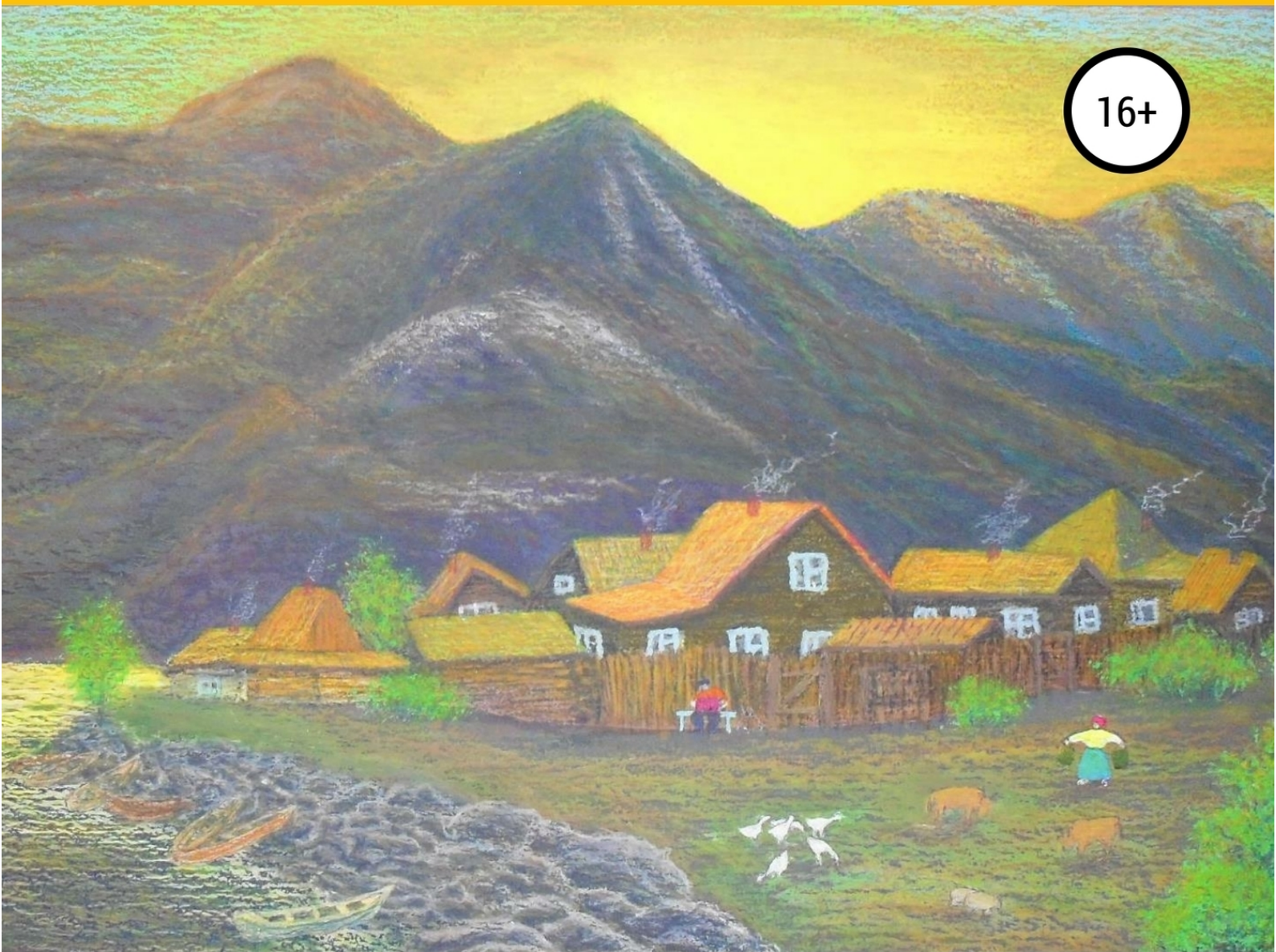

Светлана Морозова

16+

Те, кого приручали

Светлана Морозова
Те, кого приручали

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Морозова С. П.

Те, кого приручали / С. П. Морозова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

История семьи с начала 19 века, которая жила в Хакасии и пережила все тяготы того далекого времени – Первая мировая война, отречение Николая Второго, казнь императорской семьи, приход к власти большевиков и годы разрушения российской государственности. Погромы, коллективизация, уход от православия и репрессии. Великая Отечественная война, смерть Сталина, отречение от сталинизма. Расцвет культуры России и разрушение СССР. Книга о людях, которые смогли выжить в этих условиях, сохранив патриотизм и любовь к своей Родине, стране народов СССР.

Содержание

Биография	5
Те, кого приручали	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Биография

Морозова Светлана Петровна родилась 7 августа 1941 года в Хакасии в пос. ЦЗЗ (Центральный золотозавод), переименованный впоследствии в пос. Шира Саралинского района. Отец – Харламов Александр Иванович, мать – Бугаева Антонина Евдокимовна. Школу закончила в 1958 году в Башкирии. После школы работала маляром, электрообмотчицей, пионервожатой, лаборанткой. С 1960 по 1963 год училась в Магнитогорском Горно-металлургическом институте. В 1964 году поступила в Казахский Политехнический институт г. Алма-Аты на архитектурный факультет, по окончании которого в 1969 году была направлена в /ч 31072 (Военморпроект) г. Владивостока. Автор проекта памятника погибшим подводникам первой атомной подводной лодки К-129, затонувшей возле острова Гуам в 1969 году, установлен на Камчатке в 1971 году. С 1972 по 1973 год работала старшим архитектором проектного института Алмаатагипрогор в г. Алма-Ате. С 1973 по 1975 год работала руководителем группы в Алмаатагипротрансе. С 1975 по 1976 год работала руководителем бригады в Приморгражданпроекте г. Владивостока. С 1976 по 1978 год главный архитектор г. Свободного Амурской области. С 1978 по 1986 год главным архитектором г. Усинска – Всесоюзной ударной комсомольской стройки в Коми АССР по разработке нефтяных месторождений. С 1986 по 1998 год работала в Худфонде Коми АССР по оформлению интерьеров. В 1998 году организовала самокупаемую художественную мастерскую по оформлению интерьеров при отделе культуры горисполкома в г. Усинске. С 1991 года директор Усинского филиала Городецкого художественно-производственного комбината от Всероссийского Фонда культуры. Филиал пришлось закрыть в 1993 году в связи с ликвидацией Всероссийский Фонда культуры.

Член Союза архитекторов России с 1980 года. С 1993 года на пенсии. Пишет книги и картины.

Адрес проживания: г. Балахна Нижегородской области, ул. Дзержинского, д.3, кв. 56.

Те, кого приручали

Трудно всегда начать. Начать сначала. Отыскать эту точку отсчета. Точку, которая в начале пути – дорог. И не знаешь, по какой дороге идти. А может быть это не важно – судьба ведь все равно поведет тебя по твоему пути из всех лабиринтов. Но, чтобы это понять, надо сделать выбор. Иногда он бывает предопределен всей твоей предыдущей жизнью, включая жизнь твоих предков, а иногда он как излом, который круто все меняет. Все-все, ломая и сметая щепки.

Жизнь моя носила меня по разным городам России. И везде, где бы я ни жила, в больших и малых городах, удачно устраиваясь и успешно работая, меня не покидало чувство, что это еще не причал. Я словно что-то искала. Любимая подруга моей мамы, крестная мать моя Леля-Дуся, одна меня понимала. Она писала в своих письмах, что это я ищу свое счастье, потому и бегу хоть на край света.

Кто я? Откуда я? Эти вопросы я стала задавать себе давно, а ответы на них стала искать только в конце XX века, когда смогла полностью быть, как мне казалось, свободной и заниматься любимым делом.

Начало XX века. Сибирь. Уже построена железная дорога от Москвы до Владивостока. Император Николай Второй много сделал для России! – рост народонаселения, благополучие, рост промышленности и сельского хозяйства, хорошие дипломатические и торговые взаимоотношения с государствами Европы росли, пока Великобритания и США не стали проявлять активное противостояние. Англичане открыто помогали Японии в войне с Россией, США расторгли торговый договор с Россией и поставляли оружие европейцам в начавшейся Первой Мировой войне. Они ставили себе задачу втянуть в нее Россию и разделить ее на части через свержение самодержавия и отлучение от власти царя. Активно продвигая идеи революции, как символ свободы США над Православием, включались в противостояние с Николаем Вторым, втягивали его в войну и разжигали революционные настроения.

Распутин предостерегал Николая от вступления в войну и его убили, как считают историки, не без участия американцев. Морган и другие банкиры Америки финансировали Германию и Антанту, впоследствии активно спонсировали Милюкова и первыми признали право и законность временного Правительства России. При этом они умудрились отправить в США огромный запас золота России, оставив крохи от всего многомиллионного золотовалютного запаса государства! Этот запас из России почти весь пропал, а в Америке он резко возрос.

А до этого банкиры США и Германии финансировали Ленина на революцию. Взяв власть в свои руки, большевики воспользовались предательством элиты России, которая принудила царя отречься от власти. Понимая трагичность дальнейшей жизни в России, Николай Второй хотел с семьей эмигрировать в Великобританию, но английский брат предал его, отказав ему в убежище! В результате венценосная семья Романовых отправилась в ссылку в Екатеринбург. Тут опять вмешались США. Историки, имеющие доступ к секретным документам, узнали всю подноготную о подготовке, подстрекательству и исполнении зверского убийства семьи Романовых. Были найдены и записаны на магнитную ленту многочасовые телеграфные записи переговоров между Лениным в Москве, Свердловым в Екатеринбурге и исполнителями казни семьи Романовых с сокрытием следов преступления про убийство в Ипатьевском доме и уничтожение – сжигание останков членов семьи Романовых в лесной местности. На магнитной ленте в архиве есть запись трансляции о преступном деянии всех действующих лиц, виновных в убийстве преступников! Все от приказа Ленина на начало казни, от предложения царю спуститься в подвал, якобы для защиты семьи от нападения, выстрелы, крики жертв, душегубов и дальней-

ших действий палачей! – все, до захоронения останков убиенных жертв и разговоров между собой исполнителей и палачей! Эта история была скрыта до двадцатого века, когда останки семьи Николая Второго были найдены и перевезены в Собор Петропавловской крепости. Русская Православная Церковь представила к лику Святых царственных страстотерпцев членов семьи Романовых, убиенных большевиками в 1918 году. Россия вновь возродилась, открывая миру былую мощь, державность и славу!

С 1914 года Россия все-таки участвовала в Первой Мировой войне, заплатив огромную цену людскими жертвами и огромной контрибуцией. Закончилась война с немцами, большевики взяли власть в свои руки и заключили унижительный Брестский мир.

После трехлетнего сидения в окопах, вернулся домой в сибирское село Тимру мой дед, Марьясов Василий Петрович. Живой и невредимый, и злой как черт.

Дома его ждала жена Ольга Павловна, которую он очень любил. Ольге шел двадцатый год, когда, еще до войны, Василий ее увидел в соседней деревне и моментально влюбился. Коса цвета меда до пояса, ласковые голубые как небо глаза, молчаливая и застенчивая, но скорая в добрых движениях. Эта славная рыженькая девушка на вечерках тоже не сводила глаз от ладного высокого плечистого молодца. И вскоре они стали встречаться.

– Пойдешь за меня? Я не могу и дня прожить, чтобы не подумать о тебе, Олюшка! Вот возьму и пришлю завтра сватов звать тебя замуж! Ты согласная?

– Я бы с радостью пошла, Васенька, да тятенька не пустит. Мы ведь русские, а ты хакас. Нет, тятенька не пустит, хоть вы и богатые.

– А если я украду тебя, что тогда?

– И то – укради!!

И как-то вечером они сбежали к отцу Василия, Петру Васильевичу в Тимру. Обвенчались в церкви. Родители Ольги простили ее и благословили. Родители Василия были довольны, Ольга оказалась хорошей хозяйкой, все делала охотно, споро и с удовольствием. Через год родила девочку – Марусю, а перед самой войной Марфушу.

В четырнадцатом году Василия забрали на фронт, и Ольга Павловна жила с двумя детьми в доме Петра Васильевича. Работящая и скромная, ласковая да пригожая жена Василия любила Петра Васильевичу и его жене.

На фотографии четырнадцатого года перед отправкой на войну – вся семья в сборе. Василий в парадном мундире гвардейца лейб-гвардии гренадерского полка четырнадцатой роты, плечистый усатый молодец со строгим взглядом. Ольга в длинной темной плисовой юбке, белой блузке с кружевными воланами и воротником, расшитой бисером, гладко зачесанные волосы, коса через плечо. Две дочки в нарядных платьицах, белых чулочках и туфельках.

Вернувшись домой, Василий клял войну, царя и царевича Алексея. И особенно ругался, что три года просидел в окопах, не воюя:

– Солдатушки, бравы ребятушки вшей кормили да агитаторов слушали! Складно они говорят. Много чего про царя рассказывали интересного. Власть хотят отобрать у царя и отдать народу. Землю обещали крестьянам дать. Все будут равны и свободны. Не будет богатых! Хотят править государством. Говорят – все, кто захочет, могут стать во главе государства. Без царя! Слава те, Господи, что война окончилась, теперича спокойно заживем!

Петр Васильевич качал головой:

– Это как же без царя-то?! Как это? Народ распускать не надо! Больно много стало этих агитаторов, баламутят народ. Как это без царя править-то будут? Советы повыбирают и будут править по-своему? А чего они понимают-то? Как бы раздору не было промеж людьми. Не

равный у нас народ-то – и бедные, и богатые, неграмотных много, чай их-то больше всех. Как начнется разбой-то, да без власти – беды не оберешься! О-хо-хо, ну и времечко настает, не дай Бог до раздора дойти.

– Ничё, большевики народ приручат, они языкастые, эти головорезы! Бомбами закидают, ежели чо, всех приструнят и власть возьмут, порядок наведут! Эх, и заживем тогда!

– Да, уж жди! Была бы шея, а хомут найдется!

Однако, по всему видно было, что до мира в России не скоро. Смутное какое-то время начинается. Вроде что-то назревает, делят чего-то. Царь отрекся, потом – это правительство, Дума, депутаты, эсеры, кадеты, большевики, партии какие-то появились...

Василий говорил:

– Вот большевики скоро со всеми разберутся. Хватит, попили кровушки народной!

Но все были потрясены, узнав о расстреле царской семьи. Ольга горько рыдала, молясь об убиенных пред иконами, а Василий тоже, внезапно прозрев, опомнился и молился с нею вместе. Казалось, он понял что, расстреляв царскую семью, большевики не остановятся. Они пришли к власти и, чтобы удержать эту власть, уничтожали не согласных. Что всех ждет? – новая зарождающаяся власть обещает быть жестокой и беспощадной!

Хоть и далеко от Сибири, но эхо доносилось и всех будоражило. Не к добру все! Тревожно! Хотелось перемен с надеждой на лучшую жизнь. Активисты устраивали сходки, говорили о свободе, равенстве, братстве. Рассказывали про Декрет о земле, Декрет о мире. Начинаясь новая жизнь, и в ней надо было найти свое место. Крестьяне хотели иметь свою землю, скот и работать на себя, на свою семью, с верой в будущее, свободными и независимыми.

После приезда мужа, Ольга родила Тоню, мою маму, в восемнадцатом году, но впоследствии, как это часто делали в то время, ей изменили дату рождения на двадцатый год. Россия стала жить по новому стилю – Григорианскому календарю.

Жили Марьясовы хорошо, дружно, как говорится – душа в душу.

– Эх, пожить бы так еще лет полста, дюжину детишек вырастить, – мечтали Василий с Ольгой.

Про них говорили: «Не разлей вода, как Ванька с Манькой». Посмеивались, но завидовали их влюбленности друг в друга парни и девки.

Судьба, однако, не дала им долго жить в любви и согласии. В двадцатом году тиф косил народ. Ольга и Василий не убереглись. Их обоих одновременно увезли в больницу. Ольга была беременна и должна была родить. В беспомощности она пролежала в больнице несколько дней, а когда очнулась – узнала, что нет у нее ни мальчика, которого родила мертвым, ни горячо любимого мужа. Их уже успели похоронить.

Ольга стала вдовой.

«Господи, Твоя воля – помоги!» – молился и плакал безутешный Петр Васильевич. Ольга почернела, как головешка, и ходила, как в воду опущенная, одни глазищи полыхали синим страдальческим пламенем.

Так и жила она у отца и матери Василия с тремя дочками. Хорошие они были люди, и хозяйство имели немалое. Была пасека, рысаки, серые в яблоках, пролетка. Жили в достатке. Петр Васильевич был уже в годах, но в силе, и кроме пасеки, зарабатывал еще и знахарством. Узкоглазый, с черными густыми волосами, перевязанными надо лбом ремешочком, с курчавой бородкой и усами, он весь светился добротой. Со всей округи шел к нему народ со своими болячками и он лечил людей, используя травяные настои, кедровые орехи, мед, массажи и

заговоры. Он унаследовал сбереженные еще его бабушкой знания, которые та собирала от целителей, издревле пользовавшихся таинственной и благодатной целебной силой природы горной Хакасии.

Прошло два года. В делах и заботах старалась Ольга забыть горе свое, работой не давала себе отдыха. И всегда пела грустные песни о любви безутешной. Дочки росли. И вот как-то из села Береш приехал к ним Бугаев Евдоким со сватами, просить Ольгу выйти за него замуж. Предки Евдокима были хакасами.

Ольга размышляла недолго:

– Пойду за Евдокима, – сказала она Петру Васильевичу.

– Куда ты от нас с детками-то малыши? Он же бедняк!

– Дык, потому и иду. Никто ведь не возьмет с таким приданным. Кака така жисть без мужика? Всяк, кто хочет, обидит, нороят в постель залезть. Бабы зло глядят, ревнуют. А Евдоким вроде добрый. Вдовый, жена померла недавно. А што бедный, дак им землю дали. У него три брата, и земли дали на всех ого-го сколько!

– Да как же я, сивый мерин, отдам своих внучаток в таку семью? Голыдьба ведь! Нищие они, пропадете ни за что! – причитал Петр Васильевич.

– Ничё, чай не пропадем! Руки-ноги есть – работать будем на своей земле. А то я так и проживу вдовая да безмужняя, одна-одинешенька. Уж не обессудь, Петр Васильевич, очень я Вам благодарная за все, но жисть свою мне как-то самой надо строить. А безмужняя баба, сам знаешь, – пропадет. Не век же мне куковать под Вашим крылом? Спасибо Вам за все, уж не обессудьте, и не поминайте лихом!

Как ее не уговаривали, не послушалась и уехала с дочками в село Береш. Но в день смерти Василия каждый год приезжала на могилку мужа и сыночка, и выла. Любила мужа до самой смерти своей и молила Господа встретиться с ним на небесах.

– Ах, Васенька, Васенька, муж мой любимый! Не забуду тебя никогда! Спасибо, Господи, что дал мне Васеньку и такую любовь! Да рази-ж я вышла бы замуж за Евдокима, если бы был у меня сыночек, не помер бы? Был бы хозяин, мужик вырос бы, а то – три девки. Как мне плохо без тебя!

Петр Васильевич часто навещал их, приезжал в Береш, привозил подарки, гостинцы. Он все никак не мог понять, почему она ушла от них к Евдокиму Бугаеву, бедняку, у которого было двое своих детей-подростков.

Евдоким – невысокий, худощаво-мосластый с всклокоченной маленькой бороденкой и усами, с острыми внимательными глазками под густыми черными бровями был по-мужицки обстоятельным и малоразговорчивым. Потому каждое слово его было весомым. Сначала всех слушает, а потом, помедлив, скажет – как гвоздем приколотит.

Все братья Бугаевы со своими семьями и родителями жили в одном большом доме. Голыдьба, одним словом. Каждая семья жила в своей комнате. Комнаты примыкали к избе – так звали общую комнату, где жили родители и стоял обеденный стол с лавками. Все дети братьев спали в этой избе на полатах и на огромной печи – на дерюжках, тулупах и кожухах, вповалку.

Навестив Ольгу Павловну с внучками, и возвращаясь из Береша домой, Петр Васильевич всю дорогу ревел от горя, что его единственный сын тридцати трех лет от роду помер раньше его, а внучки живут в чужой нищей семье.

Село Береш было основано во второй половине восемнадцатого века русскими переселенцами, и в двадцатых годах девятнадцатого века был уже самым большим селом Шарыповского района с населением почти около тысячи человек, которые занимались земледелием.

Крестьяне с наделами земли, ремесленники, сапожники, печники, плотники, портные... У каждого было свое дело.

Братья Бугаевы обрабатывали землю сообща. Земли было достаточно. Мужики ходили в поле на работу, ловили бреднями рыбу, заготавливали кедровые орехи в тайге.

Лето в Сибири короткое, но жаркое и солнечное, тайга цветет буйным ярко-пламенным золотом огоньков и марьиных кореньев, тигровый глаз, колокольчики, незабудки... Масса всякого разноцветья покрывала изумрудную зелень. Тайга – лиственницы, кедр, кустарники, травы – все было мощным, ядреным, пахло до пьянящей одури, вышибало из тела усталость и вливалось в грудь силу и ярую мощную удадь.

Лесные ягоды, кедровые орехи, грибы, травы и коренья, птицы и разное зверье – какого только богатства не давала щедрая тайга сибирская людям. Топили лиственничную смолу, скатывали ее в колбаски – палочки, и она застывала. Ее жевали, и от нее зубы у всех были ярко-белые, крепкие, красивые. Смолу звали серой. В реках таежных неглубоких, но быстрых, каменистых и холодных была уйма рыбы. Ее солили, сушили, вялили – таймень, стерлядь, хариуз, омуль. На зиму готовили, солили, квасили, сушили все, что давала тайга. Хранили все в ледниках.

Ходили в церковь. Церковь стояла на краю села. Ладненькая такая, сложенная из лиственничных бревен, изукрашенная резными наличниками узких окон, резным карнизом над колоннами входа. Ажурное кружево резьбы богато вилось по массивным дверям и ограждениям высокого крыльца. Церковь была видна со всех сторон. Над скатной крышей ее величественно возвышался большой купол, облицованный черепицей из деревянных плашечек, над которым был установлен золоченый крест. Нарядная в своем теплого медового цвета одеянии из дерева, церковь словно золотом светилась под солнцем.

Потом внезапно закончилось ее славное благодатное время. К власти пришли безбожники. Все стало меняться неизбежно и неотвратимо! Боевое племя комсомольцев, яростно непримиримых к Богу, одетых в солдатские гимнастерки, серые остроконечные шлемы с красной звездой и ботинки с обмотками, собиралось гурьбой, ходили строем по селу под барабанный бой и звуки горна. Несли впереди красный флаг и пели: « Смело в бой пойдем... ».

Это племя боевое беспощадно разорило, разрушило церковь – такую несравненную красоту! Объявили, что Бога нет, и, собрав народ, прилюдно устроили безобразный погром. Утварь церковную разворовали, книги, иконы жгли.

Агитаторы собирали народ и, распаяясь, убеждали, что Бога нет, все – вранье! Священников и их семьи разогнали по ссылкам, детей – в детские дома.

Иконы заставляли отдавать. Ходили по избам, отнимали, несли в костерище, устроенное на поляне перед церковью.

Ольга Павловна встретила безбожников воинственно:

– Как это – Бога нет! Есть он! Как же без икон-то?! Не отдам! Супостаты, антихристы! Каково можно без Бога-то жить?! Не отдам иконы! Куда-то вы их тащите! – палить? Не дам!!!

И она схватила, спасая, первую попавшуюся под руку икону с божницы «Умягчение злых сердец – Семистрельную», прижала к груди, не отдала. Эта икона одна осталась у них, да кресты нательные с образками.

Собравшаяся возле церкви толпа смотрела на действия комсомольских активистов молчаливо и осуждающе-хмуро. Взобравшись на крышу церкви, парни с помощью молотов, ломов и канатов свалили с колокольни колокол. Он жалобно звякнул и, глухо застонав, тяжело гремя, покатился по крыше церкви под длинный многоголосый стон толпы. Людской стон умолк внезапно, когда колокол ударился оземь. В наступившей тяжелой тишине гул колокола тоскливо затих, протяжно замирая, и, ослабев, успокоился внутри его.

Ванька Брагин – активист комсомольский, здоровенный бугай и куражистый забияка, полез на крышу церкви, обвязал канатом купол с крестом и спустился вниз. Запряженный конь стоял, пока Ванька привязывал канат к телеге. Ванька крепко стеганул коня и по-молодечки гикнул-свистнул. Конь рванул, и купол, медленно, словно противясь, стал нехотя падать с крыши. Затрещал, разрывая обшивку-облицовку, покатился и рухнул вниз, зияя внутренностями расколотых ощеренных ребер, словно в зубном оскале. Крест отломился, и его торопливо куда-то уволокли. У церкви разбили окна, расколошматили в щепки, злобно изрубив топорами все роскошное, с любовью изготовленное мастерами кружевное узорочье дверей, иконы. И скоро церковь была превращена пакостниками в отхожее место. Настенные росписи глумливо разукрасились похабными надписями и непристойными рисунками. Сваленный церковный купол превратили в помойку.

И никогда уже больше не доносился с разрушенной колокольни звон Благовеста, созывающего народ в единый собор восхвалять Господа за мирную жизнь в светлые праздники.

Собравшиеся группой комсомольцы изредка с барабаном и песней шагали по улицам и на сколоченной трибуне в центре села выступали со своими агитками о том, что скоро наступит новое время, где будет полная свобода, равенство, братство. Будет одна коммуна. Жить будут в больших домах – общежитиях, и все будут друг другу товарищ и брат. Все будет общее. И – никакой семьи! И дети – общие! А воспитывать их будут в специальных детских домах.

– Антихристы и есть антихристы! Рази-ж можно так вот изгадить все? Што тепереча будет-то?! О-ох, не к добру! Не простит Господь такого изуверства и глумления! – все не могла успокоиться Ольга Павловна.

Душа и сердце ее изболелись от страшного предчувствия, что все прахом пошло. К власти пришел Антихрист! Не замолить, ох, не замолить грехов-то, тепереча жди адской жизни! Как же это позволено так изгаляться-то над святынями?!

Но жизнь продолжалась. Мужики работали в поле, на заготовках в лесу, ловили рыбу. Бабы работали по дому – одна еду готовит, другая стирает, моет, убирает, третья за живностью ухаживает, четвертая за младенцами следит. Дети постарше были предоставлены самим себе. Играли в лапту, салочки, сидели на жердях заборов сопливые, в коростах. Бегали за край села за ягодой, жевали какие-то травы.

Обедали вечером все за одним столом. Сначала кормили мужиков, потом сажали за стол детей, а уж потом бабы ели. Ели картоху, кашу, щи, свеклу, пироги, творог, солонина, квашенные грибы и овощи. Бабы пекли калачи по особому рецепту из заварного теста, которые потом развешивали в снях, и дети их таскали с веревки, постепенно съедая за день. На зиму мешками заготавливали пельмени – самая сибирская еда.

Мастера в деревне шили дохи, меховые сапоги из собак – лунтай. Шкуру мастерски отделывали, непременно украшая вышивкой и бисером нарядным орнаментальным узорочьем. Собак растили специально для меха и всех звали Дамками.

Трудолюбивые братья Бугаевы умело распоряжались своей землей. Работали от зари до зари. Сеяли пшеницу, просо и овес. Выращивали коноплю, из которой выжимали вкусное зеленое масло. Из подсолнухов масло не делали, их растили ради семечек. Были огороды. Бугаевы уже имели скот разный и птицу. Молоко перерабатывали сепаратором. Варили сыр из творога по особому рецепту.

К концу двадцатых годов в их хозяйстве появились жнейки, сеялки, веялки. Соорудили мельницу. Для всей округи братья Бугаевы стали молоть муку ржаную и белую. Рабочих рук не

хватало, приглашали наемных работников, с которыми рассчитывались мукой. Ольга Павловна уже по дому не работала, возила на лошади еду работникам в поле.

В двадцать седьмом году начали строить дома для семей трех братьев Бугаевых. Младший из четверых брат, по установленной традиции остался с семьей жить в доме у родителей. Дома строили добротные, с амбарами и хозяйственными постройками. Бревенчатые дома украшались – резные ставни, резные наличники, кровли, крытые железом, с резными свесами и коньками. Окна и полы из широких половиц красили масляной краской, стены штукатурили и белили известью. Дома братьев образовали единый двор, который обнесли высоким дощатым забором с резными воротами и навесом над ними.

К тому времени не голодали и не бедствовали. По праздникам ходили в гости друг к другу. Стали хорошо и добротнo одеваться. Кое-что приобретали – одежду, обувь, посуду, домашнюю утварь, шкафы, комоды, горки. Их делали деревенские мастера-умельцы, с любовью украшая все дивной резьбой.

Праздники церковные отмечали всей деревней. На Пасху пекли в русских печах куличи в специально изготовленных десятилитровых кастрюлях из жести. Готовые куличи осторожно вываливали в подушки, чтобы не смять. На застольях пили брагу, ее готовили бочками, самогон. Пили, но не напивались, знали меру. Пели песни – «Славное море, Священный Байкал», «Бродяга», «Степь да степь кругом», «Вы не вейтесь, черные кудри», «Хазбулат удалой»...

Молодежь в селе изредка напивалась, парни дрались как петушки из-за девок. Мордобой был зачастую до крови, пускали в ход кулаки, колья из заборов.

По вечерам девки и парни ходили по деревне гурьбой дотемна, одетые в праздничную одежду и обувь. Парни – в белых, расшитых по вороту рубахах, жилетках, пиджаках, брюки заправлены в густо промазанные дегтем сапоги. Девчонки – в сарафанах поверх нарядных расшитых кофточек, плечи прикрывали расписными полушалками. Жевали серу, грызли кедровые орешки, семечки. Пели под гармонь песни, частушки:

«Серый камень, серый камень, серый камень – сто пудов, серый камень так не тянет, как проклятая любовь!» – голосисто начинала Манька. Ей в ответ немедленно вступала Алена: «Посватай, миленький, меня, отчаянну головушку, если денег не дадут – попроси коровушку!» Затем Ульяна басом: «Приневолили родители идти за дурака. Не видала в жизни радости, избиты все бока!» Потом Верка залиристо: «Снеги белы, снеги белы были да растаяли. Хотел миленький сосватать, да люди расхаяли!» Снова Манька: «Сошью кофточку по моде, красный бантик на боку. На лицо я некрасива, но работой привлеку!» Потом Варвара с притопом: «Сошью кофточку по моде, на заду четыре шва. Кабы дроличка посватался, радешенька пошла!» И так – бесконечно, сменяя одна другую. Иногда в этот перепев встречал гармонист. Оглушительным басом, переходящим в дискант, возьмет да и проорет: «Ох, мне бы бабу, мне бы бабу, д мне бы бабу в сто пудов!» Девки в ответ взвизгивали и снова начинали свою частушечную канитель: «Ох, глазки мои, серые прищурочки, один Ваньке морганет, а другой – Шурочке!», «Раздайся, народ, чернобровая идет! Чернобровая, бедовая нигде не пропадет!»

Слышно было иногда в ночи, как матери звали девок домой:

– Верка, гулена, беги домой, хватит шлендать!

– Дык я схватилась вот и побежала. Ща-ас!

– Какова лешева, ишшо мне перечить, привередничать будешь, шлендра! Вот тятеньке-то скажу – ремнем огреет девку поперечную. Приструнит – мало не покажется!

– Дык иду я, маманя, иду!

Кто трудился, тот богател. Земля – кормилица за труд добром платила. Потом образованная в селе советская власть из комсомольцев да большевиков, в основном состоящая из бывших

лодырей-оборванцев да голыдьбы, освоилась. И к тридцатому году активно начала притеснять людей. Быстро определили и разобрались – кто богач, а кто бедняк. Началась конфискация зерна, раскулачивание и коллективизация, чтобы скот, земля, орудия труда – все стало общее, колхозное. Отбирали зерно и скот нещадно, облагали всех непосильными налогами.

И все пошло под откос! Кто нажил трудом, потом и горбом своим зарабатывал богатство, поняли – все прахом пошло! Отберут! Смятение и страх поселились в душах людей. Страх за себя, семью, за будущее. Он не покидал ни днем, ни ночью. Подавленные, они ждали своей участи – вот-вот придут, заберут все, что нажили, наработали на данной им земле. Прислушивались к звукам в ночи – не зажурчит ли возле дома рокоток воронка. Долго не засыпали и вставали на рассвете. Думы, думы – как жить-то, как сохранить семью, детей, нажитое трудом и потом добро, хлеб, зерно, скот, не давали покоя. Только-только жить начали! Как теперь быть, во что верить?!!

Ничего не понятно, – почему их притесняют? Ведь жили честно, трудились, не крали, не грабили. За что?! Так хочется жить спокойно, работать на себя, верить в будущее, растить детей, учиться, любить и быть счастливыми от простой человеческой жизни.

Но действительность была неумолима и не давала никакой надежды. Слышно было – этих сослани, у тех все забрали. Чей черед?! Стали бояться. По ночам резали скот, зарывали нажитое в землю, зерно прятали.

Людей забирали семьями в ссылки по составленным спискам. К тому моменту, когда к двадцать восьмому году всех гнали в колхозы, у большинства работающих крестьян уже была хорошо налаженная жизнь. В колхоз идти не хотели!

Братья Бугаевы собрались у Евдокима:

– Ну, чё, братья, будем делать-то? Это какой такой колхоз? Всех в одну кучу – эту коммуну, снова все делить поровну? У нас вона сколько заработано всего горбом и хребтом – скот, зерно, земля, мельница, сеялки – веялки. И все этим пустобрехам? Шалопутам, которые языком чешут почище, чем работают руками, им все даром? В колхоз ваш итить?! – накося-выкуси, не дождесси!

– И куда деваться? Хоть в тайгу штоли, куда подальше, переждать. Может все наладится, утрясется? Ведь семьи, дети. Это одному хорошо – с топорком за пояском в лес умотать с глаз долой, а семью кто защитит?

– Да чё там наладится? Не наладится. Тикать надо, пока не поздно, а то загремишь в ссылку, они ведь никого не щадят, ни стариков, ни детей. Глядишь – постреляют, а деток в детдом. А хуже того – с голоду помереть.

– Вон Махонины – братья, говорят, подались в каку-то банду, с чекистами бьются, да грабят. Может, к ним?

– Не дело это, семьи с детьми бросать. Да и разбой – не по-нашему это, братья. Мы же православные!

– В общем, нету просвету, одна темень. Сиди и жди, пока «воронок» прикатит, ночи не спи... Сорок бочек арестантов жди!

– Прятать надо добро в землю, на заимку, куда подальше!

– Да рази-ж все убережешь да спрячешь?

– Все прахом! Только жить начали по-людски. Эх, Расея моя Расея горемычная! Вот и пришло горе-горькое. Шлялось где-то по свету, и на нас, невзначай, набрело.

Евдоким успел на заимке спрятать двух лошадей. Кое-что зарыли в землю, но коров и мелкий скот все же пришлось сдать.

Отобранный у тех, кто не хотел идти в колхоз, скот согнали в заброшенную церковь, закрыли на замок и бросили без присмотра. А ведь его надо кормить, поить и ухаживать! И кто это должен делать? А никто! Не решились! И из закрытой церкви несся протяжный, многоголосый стон обезумевших животных, оставшихся под замком без ухода, еды и питья. Бабы бродили, месили снег вокруг церкви, проклиная все на свете, глотая слезы и воя. И им казалось, что они узнают мычанье, стоны и жалобные хрипы своих несчастных – Маньки, Пеструхи, Чернушки, Буренки, Беляночки...

Вскоре все кончилось – церковь опустела, скот ночью безжалостно порезали и растащили тихо, без шума. И – молчок! Никто не пикнул. Все уже поняли – спрашивать не стоит.

Двери церкви вновь были распахнуты. В ее опустевшее пространство теперь боялись зайти даже пакостники. И многим по ночам казалось, что из церкви доносятся глухие стоны и безумный кровянящий душу, рев несчастных брошенных животных.

И уже невозможно было представить, что когда-то из этого загаженного полуразрушенного оскверненного строения разносился окрест многоголосый благодатный колокольный звон.

Страшные дни настали для многих семей. Подчистую все конфисковали. Люди стали убегать прочь из села. На Коммунар, в Саралу, Ужур, на прииски и рудники, где набирали рабочих и давали места в бараках. Денег платили за работу мало, в основном одежду, еду и обувь. Давали только самое необходимое.

Не согласных с новой властью в тридцать втором году ссылали в Нарым. Семью Дуси Приваловой, которая была подругой Тони, дочери Ольги Павловны, несмотря на то, что они все отдали в колхоз, сослали одними из первых. Привезли и бросили в тайге, выдав лопаты, пилы, топоры. Сами рыли землянки и добывали в тайге еду. Комары да мошки таежные, гнус – кусали нещадно до крови и до смерти. Как-то дотянули, дожили до зимних холодов. А потом, в тридцать третьем году от голодной смерти умерли все Приваловы – отец Дуси 45 лет, братик Коля 9 лет, сестричка Лена 6 лет. Старшие дети Приваловых – Мария, Таня, Дуся и Саша, совсем еще молодые люди, были сосланы кто куда. Они кое-как выжили.

Тоня пошла в школу в двадцать седьмом году. Проучилась в ней всего четыре года, испытывая унижения и обиды. Первый раз пошла в школу – не было ничего – ни тетрадки, ни карандашика. Ей тогда сшили полосатое платье из старого платья Ольги Павловны, надели на ноги ботинки, которые хлябали, натирали ноги.

Дети постепенно классово отделялись друг от друга. Чувствуя свое превосходство, те, кто относил себя к бедноте, не давали спуска своим классовым врагам – кулакам. Так стали называть тех, кто смог тяжким трудом достичь успехов и обеспечить своей семье достойную жизнь. Не давали Тоне проходу:

– Кулацкая вошь – куда ползешь? – смеялись вчерашние подружки.

Ее дразнили и обижали, она плакала и терпела. А Тоня очень хотела и любила учиться. Особенно любила арифметику и всегда первая тянула ручонку, когда учительница задавала вопросы. Учительница очень жалела эту рыженькую смышленную девочку, этого тихого маленького птенчика с испуганными глазками, очень старательную и сообразительную. Ее то выгоняли из школы, то вновь позволяли посещать уроки. Учительница была хорошая и любила всех ребятшек, неважно чьих – кулацких или бедняцких. Защищала от произвола, как могла. Она была бесстрашная, эта одинокая, молоденькая еще девушка, приехавшая из города в село.

Ее сельчане уважали. Особенно после одного случая с Ванькой Брагиным, тем самым активистом, который особо яростно разрушал церковь. Этот баламут комсомольский не одну девушку испортил, из тех, кто в комсомол вступил. Свобода и равноправие коснулась вседоз-

воленности в отношениях мужчин и женщин. Считалось, что при коммунизме все будет общее. Даже дети, которых как предполагалось, будут воспитывать в детских домах, – чтобы это были настоящие, коммунистические дети. И бабы общие! И если комсомольский товарищ говорил своему товарищу по комсомолу, девчонке в красной косынке: «пойдем на сеновал», или по походному прижимал ее где-нибудь в темном закоулке, та не смела перечить своему товарищу по комсомолу. Сношались скоропостижно, как кобель с сучкой, обнажая необходимые части тела. И – разбегались.

Так вот, Ванька как-то собрался и вечерком приперся к учительнице, на которую давно глаз положил. Пришел, якобы поговорить по вопросу о классовой непримиримости в переходный период борьбы за власть. Он недолго разглагольствовал, сколько надо, для разогреву. И быстренько приступил к своей цели. Стал подбираться поближе к учительнице, лапать ее и, похохатывая, уже намеревался повалить на высокую, беленькую, аккуратно заправленную кровать:

– Ну, чё ты, давай, не ломайся! Я, может, жениться к тебе пришел, а?

А она, вместо того, чтобы радоваться, что «такие люди» ей оказали честь, выскользнула змейкой из-под его руки, долбанула его коленкой промеж ног, и вмиг оказалась у печки. Выхватила горящее, все в красных угольях, полено, развернулась, подскочила к Ваньке и он, корчась от боли, увидел, как остужено-строгие глаза ее вдруг полыхнули яростно-насмешливым пламенем. И полетело полено горящее, вырвавшись из ее руки прямехонько в Ванькину бесстыжую морду.

Плохого-то ничего не хотела сделать, только пугнуть да прогнать, а он, дурак, дернулся неловко от неожиданности, да башкой-то рыжей и попал в метнувшееся пламя. Волосы его, пышные да кудрявые – краса и гордость, вмиг занялись, и башка моментально стала черной и лысой. Вот так сразу – была кудрявой, и вдруг – черная головешка с ушами торчком.

Он рванул к двери, а учительница-то сгорая по инерции еще и полено это горящее снова подхватила и вслед ему запустила, чтоб из избы-то его прогнать. И попало полено прямоком в задницу Ванькину толстенную, обтянутую грязными замасленными штанами. Ванька любил возиться с единственным в селе трактором, и грязные руки обтирал об задницу. Штаны его сзади от этого аж блестели свинцовым блеском, так что запольхали мощно. Искры летели от этого пламени, оттого, что Ванька летел по улице как пуля, со свистом в ушах и воем, пугая всех черной головешкой.

Вся деревня всполошилась – такая тишина стояла, и вдруг – вой, как труба иерихонская.

Ну, в общем, пока он добежал до кадушки с водой и прыгнул в нее, было уже поздно. Штанов не стало, а то, что от них осталось, свалилось с него, пока он бежал до кадушки, вопя благим матом. Добежал уже в одной рубахе, которая у него была всегда словно жеваная.

С тех пор волос на Ванькиной голове половины не стало с левой стороны на всю оставшуюся жизнь. Не росли больше. Задница его толстенная зажила. Бабка ее месяц мазала гусиным салом.

А вот силища его мужская неумная как-то вмиг пропала. Утихла навсегда. Девки некоторые были огорчены – такой бугай был! Жалели его сначала, а как узнали – отчего все так случилось, смеялись, особенно парни, так как не любили этого кобеля нахрапистого. При встрече не могли удержаться от насмешки:

– Ну чо, воин, с бабой не справился? – все кудри выдрала, теперя лысиной блещешь?

Вот такие случались дела интересные. Хотел Ванька учительницу эту сдать энкаведешнику, как врага народа, но тот был нормальный мужик и вдоволь от души повеселился, когда Ванька ему все рассказал:

– Ну, все, Ванька, копец тебе пришел, не будут теперечи девки к тебе лнуть, как бывало – портки расстегнул, и как мухи на мед летят. Пенек ты, Ванек! Не по зубам, видать, оказалось! Ну, девка! Огонь, а не девка. А че по шее схлопотал – так тебе и надо. Не в свои

сани не садись! Да кака-така она «враг народа»? Баба она и есть баба, а эта еще и бой-бабой оказалась, даром что малявка на вид.

Вот такая отважная была первая и единственная Тонина учительница.

Тоне нравилось рисовать цветы красками, которые ей подарила учительница, понимая, что скоро эта девочка навсегда покинет школу и неизвестно какой будет жизнь ее семьи. Тоня рисовала цветы, смастерив из волос кисточку. И рисовала так, что всем нравились ее цветы, а она с радостью дарила свои картинки. Но краски скоро кончились.

Как она завидовала детям, которые учились, и их никто не гнал! Проучилась она всего четыре года. На том и закончилось ее детство, ее школа.

Когда братья Бугаевы достроили свои дома, у них оставалось еще много листовых бревен и они планировали еще кое-что построить, началось полным ходом раскулачивание и коллективизация. Многие люди уже семьями бросали избы, добро, бежали в лес, спасаясь от преследований и ссылки.

Ждали своей участи и братья Бугаевы. Но пока бежать не решались. Может, минует их беда? Не верили, что можно вот так все отобрать, и всех – в ссылку.

Не миновало! Как-то уже на исходе лета, не поздно еще было, кто-то тихо постучал в окно к Евдокиму. Евдоким отодвинул занавеску, узнал бывшего своего работника Пашу. Паша был комсомольцем и не последним человеком в сельсовете. Евдоким открыл дверь. Паша зашел в сени, но в избу не пошел, сказал:

– Беда пришла, дядя Евдоким. Ты в списке! Завтра вас заберут. Беги прочь, в тайгу, к родным, куда подальше. Ничё не могу для тебя сделать. Я тебя всегда уважал, дядя Евдоким, но спасти не могу. Прости меня! И беги, немедля беги! Авось пронесет, спасетесь.

Евдоким вернулся в избу. Ольга все поняла, сказала только:

– Ну чё делать-то?! Спасаться надо. Иконы спалили, от Бога отреклись, вот и пришло наказание. Кто поможет нынче? Собирай вещи, Евдоким, детей позже разбудим, пусть напоследок поспят сладко.

Не выдержала, глухо зарыдала:

– Ой, каково нам тепереча будет, как жить-то, Господи?

– Каково, каково! Не до слез, крепись, жена, собирай манатки.

Евдоким повернулся в угол к пустой божнице, горячо замолился, крестясь:

– Господи, прости нас, грешных детей твоих, отвернулись от Тебя, прости! Милостив буди нам, грешным! Сжался, дай сил и спасения!

Запрягли двух лошадей с подводами, погрузили что смогли – сундук, мешки с одеждой, обувкой, котомки с едой, самовар, швейную машину Zinger, посуду – сколько могли увезти. Евдоким достал из тайника полмешка денег – советских, керенок, и разных других, все, что скопил в эти годы.

Тихо, в кромешной безлунной и беззвездной тьме выехали в тайгу Евдоким, Ольга, Тоня, двухлетняя Нина и двое сыновей Евдокима. Старшая дочь Маруся была уже замужем за Никишей и жила у него. Марфушу решили оставить на краю села в заброшенной бане. Марфуша должна была вот-вот родить. Ольга Павловна узнала это от самой Марфуши, когда та в слезах призналась ей, что встречалась тайком с Матвеем, соседским парнем, и они собирались пожениться. Его родители уже готовились послать сватов, но внезапно их всех забрали ночью и увезли в ссылку. Марфуша долго скрывала беременность, надеясь, что Матвей вернется. Не вернулся. И она, спустя два месяца, призналась в грехе своем Ольге Павловне:

– Мама, прости меня, виноватая я. Не могла тебе сказать раньше, боялась. Ждала, что Матвей вернется.

– Ох, Господи, да за что же нам это послано такое лихо, в такое-то времечко. Что же тепереча делать-то? Ох-хохо! Да что тут делать-то? – рожать будем! Да ты не реви, не ты первая, не ты последняя. Ох, девка-девка, доченька моя ненаглядная, как не во время-то! Кого ждатель-то будем – парня аль девку? Хорошо бы парня, хлопот меньше с ними...

Сказала Евдокиму. Тот поскреб бороденку, пригладил, вздохнул протяжно, сказал:

– Жаль, хороший парень Матвей был, может все-таки вернется. Чё делать-то – пушай рожает!

И вот дождалась беды – бежать надо куда подальше, прочь от родного порога. Ольга Павловна металась по дому, собирала в дорогу все, что надо, боясь разбудить детей. Глотая слезы, глушила рыдания, не переставая шептать:

– Господи, помилуй и прости, помоги нам, грешным детям Твоим! Не оставь милостью своей, прости, прости...

Перед тем, как тронуться в путь, отвела Марфушу в баню. В темноте, не зажигая огня, при слабом свете из оконца, села с ней на лавку, обняла ее и, стараясь не выдавать боли и отчаяния, твердо заговорила:

– Не реви! Слушай меня внимательно! Нельзя тебе с нами, не выдюжишь, тяжело будет. Побудь здесь. Ни к кому не ходи! Вот тебе узелок – тут все. Родишь, как я тебя учила, оклемаешься. А если невмоготу будет – тут уж зови на помощь. Небось не обидят в таком-то положении. А потом беги за нами. Мы в Парной будем.

И она, срывающимся в несдерживаемых рыданиях шепотом, горячо зашептала молитву. Перекрестила Марфушу, крепко прижала ее пахнущую ромашкой головку, к груди и быстро шагнула прочь, к двери. Пропала во тьме.

В бане на краю села Марфуша три дня пряталась, трясясь от страха, что ее обнаружат. Потом начались схватки. Как она родила в полубессознательном состоянии без чьей-либо помощи – один Бог свидетель. Безумный бред смешивался с явью. Так и не поняла – показалось ей, или, в самом деле появилась перед ней женщина, вроде знакомая. Постояла возле нее, покачала головой и сказала:

– Бежать тебе надо, ищут тебя, дитенка отберут, а тебя – в тюрьму отправят!

И – как растаяла, исчезла.

Сколько прошло времени, Марфуша не знала. Измученная, полуживая, приходя в себя, долго лежала, обняв свою девочку. Искусала губы в кровь от боли, ужаса и отчаяния, силясь сдержать рыдания. Потом, успокоившись, всю ночь лежала без сил, осознавая всю безвыходность положения.

Едва стало светать, она обтерла теплой водицей свое дитяtko. Исцеловала полумертвыми губами крохотное тельце, завернула в пеленочку. Покормила впервые, неловко и нежно, грудью свою девочку. Лицо ее было застывшим, только слезы катились, когда она пела колыбельную своей крошке:

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придет серенький волчок, Надюшу схватит за бочок, аа-аа...

Пела долго, пока дочка, тихо посапывая и побряхтывая, сладко чмокала губенками. Пела, глядя вперед ничего не видящим взглядом, тихим, тоскливым, дрожащим, прерывающимся, тоненьким голоском. И думы, думы гнетущие одолевали ее – как она будет бежать сквозь тайгу, добираться одна без помощи с только что родившейся девчоночкой. Добраться-то доберется, можно за неделю, если правильно найдет дорогу. А как быть с дочкой – уход, пеленки, кормление, помыться, дожди, холодные ночи, зверье таежное, гнус, мошки, комарье... Как быть? – подскажи, Господи! Нет, помощи ждать не от кого!

Выла тихонько и рыдала до рассвета молоденькая мама. Покормила грудью проснувшуюся доченьку свою и убаюкала. Когда ребенок уснул, вышла из баньки в утреннюю туманную сырость.

И от безысходности, ужаса и отчаяния, в последний раз отвернув уголок пеленочки и, убедившись, что девочка спит, вытянула руки с драгоценной ношей вперед над обрывом реки и, подняв к небу глаза, разжала ладони. Когда звериный протяжный вопль с хрипом замолк в ее горле, она с ужасом глянула вниз! – но уже ничего не увидела. Только бурлящий поток катился с шумом вдоль редких камней.

Утопила она свое дитятко!

Бросилась прочь от страшного места, продираясь сквозь заросли кустов и буйной травы. Искусанная комарами, уставшая и еле живая, бежала, плелась, бормоча: «Господи, Господи, прости! О-о-о! Нет мне прощения, не замолишь! Прости-и-ии!». А слезы лились и лились по ее воспаленному лицу, прорываясь страшным воем и рыданиями. Уставшая, падала в траву. Закутавшись в шаль, утихала. Но во сне видение утопления дочки не покидало ее. Она просыпалась в страхе и возвращалась в явь, которая была страшнее сна, который вновь приходил, чтобы беречь ее душу – короткий страшный сон. Больше недели скиталась по таежным тропам без еды, узелок с едой забыла в баньке. Потом все-таки еле живая, доплелась до Парной, разыскала родных.

Евдоким привез семью сначала в Парную, потом отправились на Коммунар, потом в Ужур, Саралу, боясь преследования. Одна лошаденка вскоре пала – ведь надо было овсом кормить лошадей! Вторую удалось сохранить.

И еще одна беда случилась. Евдоким потерял мешок с деньгами. Деньги эти были разные, скопленные в то самое время, когда власть менялась, и менялись деньги. Евдоким все не мог с ними расстаться, все надеялся наивно, что они ему пригодятся. И вот, видно, где-то в суматохе обронил, потерял мешок непонятным образом. Очень горевал об этом Евдоким. Матерился и рыдал, кляня себя за ротозейство, так и не поняв, что они давно уже потеряли свою ценность.

Когда добрались до Саралы, была уже осень. Кое-как устроились, нашли пристанище и работу на руднике. Сильный, уверенный в себе, Евдоким, всегда спокойно решающий все проблемы, в этой ситуации вдруг ослабел, почувствовав свое бессилие перед несокрушимой бедой, которая все-таки не обошла стороной, коснулась его семьи и вмиг лишила его способности влиять на ход событий. Осознавая свою ответственность, он, внешне еще сохранявший спокойствие, вдруг круто запаниковал, чувствуя животный страх за свою семью, детей, крошку Нину, которая на глазах таяла от уродующего, сжирающего ее нежное детское тельце, рахита.

– Вот блядсво-то како началось, чистое блядство осатанелое. Все оскотинились! Кака така власть, если она народ разоряет? Кому это надо-то?! Бандюки верховодят, не иначе, креста на них нет! Чё делать-то, Ольга, будем? Неужто не выдюжим?

– Сдурел ты, чё-ли совсем, Евдоким? Чё делать, чё делать... Работать будем, землю зубами грызть будем, а не сдадимся. Нельзя нам по другому – детки у нас! Неужто Господь не поможет, не подскажет, оставит без соломинки, чтоб удержаться? Чай не война ишшо... Хорошо хоть лошаденка жива, рудовозом на ней поработаешь... Зиму бы перенести! Я тоже подработаю, дотерпим, ведь спаслись всеж-таки, до лета выдюжим как-нибудь. Лошадку бы сохранить, а там – тайга-матушка прокормит. Я по дворам пойду, по начальникам да торгашам мыть, стирать, убирать, белить – за хлеб, соль, картоху... На еду заработаю. Побираться не будем! Не пропадем! Держись, мужик, нос не вешай! Вдвоем горы своротим!

Вот так – вроде все ей нипочем, все трын-трава, все хорошо – вела себя Ольга Павловна уверенно, спокойно, наперекор судьбе. И никто не знал, как она тоненько выла-стонала, давась

рыданиями, выходя ночью во двор. Выплескивала в бабьем своем плаче отчаяние и страх, силясь найти выход и поддержать всех. Думала, думала, молила, просила Господа подсказать ей – что делать, как справиться с трудностями, как казалось, невыносимыми. И возвращалась в дом с твердой уверенностью, что выход найдется. Выдюжим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.